

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ, ПЕЙЗАЖ И ПОРТРЕТ В ПРОЗЕ
Л. УЛИЦКОЙ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА «БЕДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ»)**

Мотамедния Масуме Насроллах, кандидат филологических наук, Мазандаранский университет Баболсар, Республика Иран, e-mail: m.motamednia@umz.ac.ir.

В статье рассматриваются особенности косвенного изображения психологического состояния и характера персонажей в малой прозе Л. Улицкой (на примере цикла рассказов «Бедные родственники»). Среди средств косвенной передачи психологии персонажей Улицкая использует портретное описание персонажа, а также пейзажное описание и деталь интерьера, удачно продолжая в этом чеховскую традицию.

Портрет передаёт изменения в душевном состоянии персонажей (Бухара в рассказе «Дочь Бухары»). Особое значение в изображении психологии персонажей принадлежит улыбке. Эта частная деталь портретного описания в прозе Улицкой создаёт определяющее впечатление о герое (заискивающая или наивная улыбка и проч.).

Пейзаж у Улицкой всегда синхронен переживаниям героев.

Мир вещей в прозе писательницы преодолевает функцию исключительно описательную и приобретает значение акцента на душевных ощущениях героев. В частности, это иллюстрирует такая вещная деталь, как детский стульчик («Счастливые»), где становится чем-то вроде центра средоточия душевной жизни Матиаса и Берты, смыслом их существования до трагедии с ребёнком и после неё. Анализ цикла «Бедные родственники» убеждает, что элементы портрета, символичность пейзажного описания и интерьерных описаний, двойная функциональная нагрузка бытовых предметов выполняют функцию косвенного изображения психологии героев.

Ключевые слова: Л. Улицкая, «Бедные родственники», деталь, пейзаж, интерьер, психологическое изображение героев

**ARTISTIC DETAIL, LANDSCAPE AND PORTRAIT IN PROSE BY ULITSKAYA
(ON THE EXAMPLE OF THE CYCLE "POOR RELATIVES")**

Motamednia Masoumeh N., Candidate of Philological Sciences, University of Mazandaran, Babolsar, I.R.IRAN, e-mail: m.motamednia@umz.ac.ir.

The article considers features of the indirect image of a psychological condition and character of heroes in small prose of L.Ulitskaya (on an example of a cycle of stories "Poor relatives"). Among the means of indirect transmission of the psychology of characters, Ulitskaya uses a portrait, a landscape and a detail, successfully continuing the Chekhovian tradition in Russian literature. The portrait conveys a change in the psychological state of the heroes. Particular importance in the image of the psychology of the characters belongs to a smile. This particular detail of the portrait description in Ulitskaya's prose creates a defining impression of the hero (ingratiating smile or naive, etc.). The landscape of Ulitskaya is always consonant with the emotions of the heroes: the sad autumn landscape and its fading colors harmonize the heroine's nostalgia, her disappointment in her uninteresting life, her boring inner world.

The world of things in the prose of a writer overcomes the purely objective function and acquires the significance of a psychological accent. In particular, it illustrates such a thing as a child's highchair in the story "Happy", where it becomes something like the center of mental life of Mathias and Bertha, concentrating the meaning of their existence before the tragedy with their child, and after it. Analysis of the cycle "Poor relatives" convinces that the details of the portrait, the

symbolism of the landscape, the psychological significance of interior descriptions, the double functional load of household details of the "world of things" serve as an indirect image of the psychology of the characters.

Keywords: L. Ulitskaya, "Poor Relatives", detail, landscape, interior, psychological image of heroes

Творчество Л. Улицкой в русском литературоведении связывают с продолжением традиции Л. Толстого («Смерть Ивана Ильича»), Бунина («Господин из Сан-Франциско») [1], Набокова [2], однако, насколько известно автору данной статьи, никто в исследовании вопроса не уделял пристального внимания тому, как удачно Л. Улицкая продолжает чеховскую традицию в русской литературе.

Мы берём на себя смелость раскрыть некоторые важные аспекты чеховского влияния на автора цикла «Бедные родственники», сосредоточившись на функции портретного и пейзажного описания и предметов интерьера в прозе Улицкой. Наиболее примечательны они в той косвенной манере сообщения о душевном состоянии персонажей, которую Л. Улицкая так ненавязчиво доносит до сознания читателя, оставляя скорее след, чем сообщающая явный акцент. С одной стороны, писательница уделяет внимание переживаниям героев, а с другой, не говорит о них прямо, а применяет косвенные способы сообщения, недоговаривает, не препарировывает чувства и ощущения персонажей, оставляя читателю право составить своё представление, которое оказывается тем фундаментальнее в итоге, чем незаметнее влияние автора на этот процесс.

Портретное и пейзажное описания лишены прямого авторского влияния и тем более диктата авторской воли. Инструментарий Л. Улицкой подчёркнуто традиционен и по-чеховски скуп, а, с другой стороны, именно скупость каждого элемента в описаниях позволяет высветить прожектором художественного видения то характерное, что и создаёт героя как личность, что лежит в основе его психической жизни.

Обратим внимание на портрет Бухары в одноимённом рассказе, например, так передаётся изменение её состояния, как счастливая пора её жизни закончилась и наступила мрачная полоса смерти и увядания, боли и тоски: «Бухара тем временем резко и окончательно перестала быть красавицей. Она сильно исхудала, потемнела лицом, убрала в старый немецкий чемодан свои цветные платья, оделась в тёмное. Лицо её обросло по щекам и подбородку неприятным черным пухом, ярко сверкающие зубы потеряли свой праздничный цвет» [3]. Детали портрета передают внутреннее состояние героини, связанное с уходом мужа из семьи, болезнью дочери – жизненной драмой героини. Никаких указаний на то, что именно чувствует героиня, в рассказе мы не найдём, но детали портрета, выполняя функцию психологизации повествования, передают объём пережитой жизненной драмы.

Аналогичным способом применяется приём изображения внутреннего мира через детали портрета в рассказе «Счастливые», где, например, кратко отмечается, что «Матиас... походил на шкаф красного дерева» [3, с. 7]. Достаточно этого краткого замечания, чтобы в сознании читателя не только возник образ приземистого и широкоплечего Матиаса, но и для того, чтобы возник образ его дома, неотъемлемой принадлежностью которого он служит так же, как и элементы интерьера в нём (шкаф). В рассказе «Бронька» для прояснения психологии героини важно упоминание о коллективной фотографии класса, где «двенадцатилетняя Бронька не смотрит в объектив. Она отвернулась: видна лишь часть щеки и толстая колбаса косы, скрученной над ухом». Героиня не желает обращать внимание на настоящее и живёт в фантазии и иллюзии о той жизни, в которой был молод и потом силен её любимый мужчина, теперь старик, но, отвернувшись от своего сегодня, глядя в прошлое,

она складывает то «обаятельно-сонливое выражение» лица, которое подчёркивает автор, то самое фантастическое пребывание в иллюзии, «как будто она только что проснулась и пытается вспомнить ускользнувший сон» [3, с. 21]. Впоследствии внешность юной героини проясняется в той исповеди, где рассказывается о том особенном состоянии внутренней отрешённости от мира, которым она жила, об ожидании более тонкой жизни, напоенной уважением и любовью: «В детстве я была совершенно сумасшедшая. Жила как во сне. Как в кошмарном сне. Мне всё казалось, что вот проснусь, и всё будет хорошо и правильно» [3, с. 34].

В портрете героев Л. Улицкая часто фиксирует внимание на мимических движениях, передавая психологическое состояние через физиологические приметы. В применении этих форм писательница не оказалась новатором, но нашла им особое место. Особенно выразительны в портретных описаниях Л. Улицкой губы. Примечательно, что каждая улыбка имеет свою характеристику: «по дурацкому хихиканью», «не переставая хихикать, избыточно и фальшиво...», «заливисто рассмеяться», «кисло хмыкнул» («Бедные родственники»), «бесстыдно и снисходительно улыбалась», «умоляюще улыбнулась», «неожиданно засмеялась», «засмеялась тихим, глуповатым смехом» («Бронька»), «счастливо смеялась», «прилепив к стеклу размазанную улыбку», «улыбнулась виноватой улыбкой» («Дочь Бухары») и проч.

Рассматривая и сравнивая эти такие разнообразные улыбки, удивляешься больше всего, как незначительной, казалось бы, деталью Л. Улицкая передаёт такое значительное содержание. Похожим образом описания природы передают тонкие, едва уловимые внутренние состояния, создаётся определённое настроение. Например, гармония осеннего увядания, изображённая в рассказе «Бронька», соотносится с элегическим настроением Ирины: «...и какая стоит хорошая, дымчатая осень, без сильного света, но и без ранних дождей. Ирина Михайловна впала в несвойственное ей элегическое настроение. Ей некуда было спешить, было прекрасно» [3, с. 28]. О том, как и что чувствует героиня, говорится очень скупно, и притом эмоциональный фон её состояния описан более чем внятно. Хорошая осень – хорошее настроение (героине «прекрасно»). Позднее элементы пейзажа и настроение героини так же синхронно меняются. После разговора Ирины с Бронькой «...всё та же дымчатая осень, и день недели... и год» несут в себе, как и Ирина, «какое-то глубокое горькое изменение» [3, с. 36]. И если героиня Улицкой никак не может осознать, что именно произошло, то горькая осень косвенно сообщает о горечи разочарования и даже зависти, которые побеждают то самое прекрасное состояние духа, о котором читатель узнал до встречи с соседкой по коммунальной квартире. Огромное значение приобретают детали пейзажного описания в кульминационных сценах, в переломные моменты. Например, особое место занимает в рассказе «Лялин дом» её видение на грани между сном и явью, когда душевное состояние героини уподобляется пустынному пейзажу: ей представляется «иссохшая пустыня», то ли мёртвая, то ли все-таки населённая незаметным присутствием жизни в ней [3, с. 80]. Здесь «иссохшая пустыня» становится символом опустошения души, и пейзаж приобретает символический характер. Подобный приём Г.Н. Пospelов в чеховской прозе обозначил особым образом [4]. Наблюдения Г.Н. Пospelова уместно приложить и к художественной манере Л. Улицкой. «В своём повествовании писатель раскрывает процесс переживаний своих персонажей не только в его собственно психологическом содержании, но очень часто и в его связи с различными подробностями жизни, с которой они сталкиваются. При этом он обращает преимущественное внимание на те впечатления, которые его герои получают от окружающей их среды, от бытовой обстановки их собственной и чужой жизни, и изображает эти впечатления как симптомы тех изменений, которые происходят в сознании героев» [5].

Обратим внимание на сумку Генеле: «...сумка эта была ... коричневого цвета, тёмного, с богатым лиловым оттенком и шёлковым блеском... С годами... Темнела, стала почти чёрной, а потом... начала сесть... Драгоценную сумочку Генеле прилюдно никогда не открывала» [3, с. 40]. При описании дамского аксессуара акцентируется внимание на слиянности Генеле и её сумочки, они как бы представляют собой неделимое целое: «На замке растительно и вяло извивались линии умирающего модерна, тонкие узловатые пальчики хозяйки легко вплетались в этот узор, изношенная кожа обеих, казалось, происходила от одного и того же вымершего животного» [3, с. 40–41]. Во-первых, сумка выполняет функцию, предусмотренную её бытовым назначением, и служит ёмкостью для хранения вещей: «...какие-то старинные рецепты, связки маленьких ключей завернутая в пергамент баночка из-под крема» [3, с. 48]. Помимо этого, она выполняет в рассказе роль психологической детали. Её исчезновение влечёт за собой возникновение нескончаемого потока эмоций в душе героини: до самых последних минут своей жизни она помнит и кричит только о сумке, и сумка представляет собой такую же «ветшь», как и обветшалая и уже завершённая, по сути, жизнь Генеле [3, с. 47]. Так скучный бытовой предмет «перерастает» своё бытовое значение и приобретает значение бытийное, символическое, проясняет сущность героини, вся жизнь которой оказалась посвящена сохранению бриллиантов от властей и родственников.

Похожим образом выделен Улицкой детский стульчик в рассказе «Счастливые» [3, с. 12]. Являясь предметом домашнего обихода, он уже пятнадцать лет выполняет функцию «памятника», символизируя те счастливые времена, когда Матиас и Берта купались в родительской любви к подрастающему сыну. Сквозной символической деталью в цикле «Бедные родственники» являются фарфоровые чашки с каймой. Вновь чашки появляются в рассказе «Бронька», где Анна Марковна единственный раз угощает чаем Симку, новую соседку, которой тут же «было дано понять... что к чаепитиям её приглашать не собираются» [3, с. 20]. Чайный церемониал, таким образом, в рассказах цикла приобретает смысл некоего символического ритуала, знака принадлежности высшему миру благополучных и значительных персон. Очень показательно реализуется символическая функция вещных деталей в рассказе «Бедные родственники», где статус каждой героини определяется набором принадлежащих ей вещей. Если Анна Марковна является обладательницей ковровой кушетки, дубовой мебели, богатых чашек, розовых розеток, редкого варенья и, наконец, домработницы, то Ася лишена всех этих примет внешнего благополучия и, как следствие, уважения окружающих. Особое место в перечне упомянутых деталей занимает варенье из крыжовника, восстанавливающее в памяти «крыжовник» из одноимённого чеховского рассказа – символ пошлости, духовной бедности, мещанского идеала счастья, вытекающего из материального достатка. Видимое благодушие и искренняя радость, душевная скупость – все эти черты ярко высвечиваются в духовном облике Анны Марковны, тогда как «полоумная» Ася покоряет свой детской радостью, когда отдаёт жалкой и бедной подруге всё, чем наградила её от щедрот своих богатая сестра.

Заметим, что при всей глубине психологического анализа понимание характера героини становится как бы «личным открытием» читателя, суммирующим все перечисленные моменты. Л. Улицкая устраняется от прямых оценок. В этом проявляется яркое своеобразие её художественной манеры – в ненавязчивом объяснении и наблюдении за сущностью человеческой, чертами личности, сложившимися привычки, а затем и собственно характеры героев.

Список литературы

1. Щеглова Е. О спокойном достоинстве и не только о нём / Е. Щеглова // Нева. – 2003. – № 7. – С. 185.

2. Леденев А. В. Между фактом и фикцией: набоксовское стилевое влияние в современной русской прозе / А. В. Леденев // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2006. – № 2. – С. 112–124.

3. Улицкая Л. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы / Л. Улицкая. – М. : Эксмо, 2003. – С. 60.

4. Поспелов Г. Н. Введение в литературоведение / Г. Н. Поспелов, П. А. Николаев, И. Ф. Волков. – М. : Высшая школа, 1988. – 528 с.

5. Поспелов Г. Н. Проблемы литературного стиля / Г. Н. Поспелов. – М. : Наука, 1970. – С. 323.

References

1. Shheglova E. O spokojnom dostoinstve i ne tol'ko o nem // Neva, 2003, № 7, p. 185.

2. Ledenev A. V. Mezhdru faktom i fikciej: nabokovskoe stilevoe vliyanie v sovremennoj russkoj proze // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya, 2006, № 2, pp. 112–124.

3. Uliczkaya L. Bedny`e, zly`e, lyubimy`e: Povesti. Rasskazy`. M. : E`ksmo, 2003, p. 60.

4. Pospelov G. N., Nikolaev P. A., Volkov I. F. Vvedenie v literaturovedenie. M. : Vy`sshaya shkola, 1988. 528 p.

5. Pospelov G. N. Problemy` literaturnogo stilya. M. : Nauka, 1970, p. 323.